

И въ тѣсной, темной кельѣ гроба
Оно вовѣки не уснетъ.
Все умираетъ, все проходить.
Гляжу,—за вѣкомъ вѣкъ уходитъ
Толпы народовъ и мировъ
И съ ними вмѣстѣ исчезаетъ.
Но духъ мой гibelи не знаетъ.
Живу одинъ средь мертвецовъ,
Закономъ общимъ позабытый,
Съ своими чувствами въ борьбѣ,
Съ душой страданьями облитой,
Не зная равнаго себѣ.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участію чудесной,
Я все мгновенное люблю.
Утрата мучить грудь мою.
И я безсмертенъ, и за что же?
Чѣмъ, чѣмъ возможно заслужить
Такую пытку, Боже, Боже!
Хотя бы могъ я не любить!

Она придетъ сюда, я обниму
Красавицу, и грудь къ груди прижму,
У сердца сердце будетъ горячѣй;
Уста къ устамъ чѣмъ ближе, тѣмъ сильнѣй
Нѣмая рѣчь любви. Я расскажу
Ей все—и миръ, и вѣчность покажу;
Она слезу уронить надо мной,
Смягчить Творца молитвой молодой,
Пойметъ меня, пойметъ мои мечты
И скажетъ: «какъ великъ, какъ жалокъ ты!»
Сей рѣчи звукъ—мнѣ будетъ жизни звукъ,
И этотъ часъ—послѣдній долгихъ мукъ...
Клянусь, воспоминаніе объ немъ
Глубоко въ сердцѣ сохранить моему,
Хотя бы на меня возсталъ весь адъ.
Тотъ уголь, гдѣ я спрячу этотъ кладъ,
Не осквернить ни ропотъ, ни упрекъ,
Ни мечь, ни зависть; пусть свирѣпый рокъ
Сбираетъ тучи, пусть моя звѣзда
Въ туманѣ вѣчномъ тонетъ навсегда,—
Я не боюсь: есть сердце у меня
Надменное и полное огня;
Есть въ немъ любви ея святой залогъ—
Послѣдняго жъ не отнимаетъ Богъ.—
Но слышенъ звукъ шаговъ: она, она...
Но для чего печальна и блѣдна?...
Вѣнокъ пестрѣетъ надъ ея челомъ,
Играетъ солнце медленнымъ лучемъ
На бѣлыхъ персяхъ, на ея кудряхъ...
Идетъ... Ужели меня тревожитъ страхъ?...

*(Дѣва выходитъ. Цвѣты на рукахъ и на головѣ.
Въ блондъ платьѣ. Крестъ на груди у нея).*

Дѣва.

Вѣтеръ гудеть,
Мѣсяцъ плыветъ,
Дѣвушка плачетъ,
Милый на чужбинѣ скачетъ.
Ни дѣва, ни вѣтеръ

Не замолкнуть.
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ.

Прочь печальная пѣсня! Я опоздала,
Азраиль. Такъ ли тебя зовутъ, мой другъ?

(Садится рыдла).

Азраиль. Что до названія? Зови меня
своимъ любезнымъ; пускай твоя любовь за-
мѣнитъ мнѣ имя: я никогда не желалъ бы
имѣть другого; зови, какъ хочешь, смерть—
уничтоженіемъ, гибелью, покоемъ, тлѣніемъ,
сномъ — она все равно поглотитъ свои
жертвы.

Дѣва. Полно съ такими черными мыслями!

Азраиль. Такъ моя любовь чиста какъ
голубь, но она хранится въ мрачномъ мѣ-
стѣ, которое темнѣетъ съ вѣчностью.

Дѣва. Кто ты?

Азраиль. Изгнанный! существо сильное
и побѣжденное. Зачѣмъ ты хочешь знать?

Дѣва. Что съ тобою? Ты поблѣднѣлъ!
Примѣтно дрожь пробѣгала по твоимъ чле-
намъ, твои вѣки опустились къ землѣ. Ми-
лый, ты становишься страшнѣе.

Азраиль. Не бойся все опять пронзю.

Дѣва. О, я тебя люблю, люблю больше
блаженства; ты помнишь, когда мы встрѣ-
тились, я покраснѣла; ты прижалъ меня къ
себѣ, мнѣ было такъ хорошо, такъ тепло у
груди твоей. Съ тѣхъ поръ моя душа съ
твоей—одно. Ты несчастливъ; вѣдь мнѣ
свою печаль: кто ты? откуда? ангелъ? де-
монъ?

Азраиль. Ни то, ни другое.

Дѣва. Расскажи мнѣ твою повѣсть; если
ты потребуешь слезъ, у меня онѣ есть;
если потребуешь ласки, то я удушю тебя
моими; если потребуешь помощи—возьми
все, что я имѣю, возьми мое сердце и при-
ложи его къ язвѣ, терзающей твою душу:
моя любовь сожжетъ этого червя, который
гнѣздится въ ней. Расскажи мнѣ твою по-
вѣсть!

Азраиль. Слушай, не ужасайся, склонись
къ моему плечу, сбрось эти цвѣты,—твои
губы душистѣе; пускай эти гвоздики, фіал-
ки унесетъ ближній потокъ, какъ нѣкогда
время унесетъ твою собственную красоту.
Какъ, ужели эта мысль ужасна, ужели въ
столько столѣтій люди не могли къ ней
привыкнуть, ужели никто не можетъ поль-
зоваться всею опытностью предшественни-
ковъ? О, люди! вы жалки, но со всѣмъ тѣмъ
я смѣялся бы мое вѣчное существованіе
на мгновенную искру жизни человѣческой,
чтобы чувствовать хотя все то же, что те-
перь чувствую, но имѣть надежду когда ни-
будь позабыть, что я жилъ и мыслилъ. Слу-
шай же мою повѣсть: